

РАДИЩЕВ и ВОЛЬТЕР

Французский ежегодник 1978

М.: Наука. 1980. С.47-61

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи

О Вольтер! О муж единственный!

Ты, который на Радищева
Кинул было взор с улыбкою!

А. С. Пушкин

В плеяде замечательных европейских философов XVIII в. почетное место занимает великий русский революционер-демократ А. Н. Радищев. Глубокий ум, поразительная широта знаний, последовательная принципиальность характеризуют этого целеустремленного мыслителя-революционера. Его философское и социально-политическое мировоззрение выросло на русской почве. Он был, однако, великолепным знатоком передовой западноевропейской мысли. Известна его глубокая идейная связь с французскими просветителями и материалистами XVIII в.¹ — с Гельвецием, Гольбахом, Монтескье, Рейналем и Ж.-Ж. Руссо², которого называют «первым и основным учителем Радищева»³. В своих произведениях он прямо или косвенно опирается на них, размышляет вместе с ними, часто соглашается, но иногда спорит с признанными авторитетами, прокладывая свой путь к решению многих философских и социально-политических задач.

Каково же было отношение Радищева к Вольтеру, который был тогда, по определению А. С. Пушкина, идолом Европы, первым писателем своего века, предводителем умов и современного мнения, «умов и моды вождем»⁴?

Еще в 1836 г. А. С. Пушкин заметил, что в Радищеве отразился «скептицизм Вольтера»⁵. А в середине XIX в. представители передовой русской общественной мысли твердо заявляли о связи Радищева с Вольтером. В предисловии к сборнику «Русская потаенная литература», изданному в 1861 г. в Лондоне, Н. П. Огарев (он вместе с А. И. Герценом уже издал в 1858 г. «Путешествие из Петербурга в Москву») и был хорошо знаком с творчеством Радищева) противопоставил глубокую симпатию А. Н. Радищева к французскому мыслителю показному увлечению Екатерины Вольтером. Он писал так: «Ученица Вольтера, монархия-философ писала наказ... лукаво душила Польшу... ссылала Радищева, более ее искреннего и благородного ученика Вольтера, и преследовала Новикова...»⁶.

¹ Напомним слова Пушкина: «В Радищеве отразилась вся французская философия его века: скептицизм Вольтера, филантропия Руссо, политический цинизм Дидерота и Рейналя...» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1947, т. 5, с. 276).

² См.: Старцев А. О западных связях Радищева.— Интернациональная литература, 1940, № 7—8; Сенников Г. О некоторых вопросах социологических воззрений А. Н. Радищева и его идейной связи с французскими материалистами XVIII в.— Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та, 1957, т. 31, вып. 1; Плимак Е. Г., Покровский С. А. Связи Радищева с западным Просвещением в оценке буржуазной литературы.— Вестник истории мировой культуры, М., 1957, № 4; Зиевич У. Е. Место «Идеальной державы» Руссо в формировании социального идеала О. М. Радищева.— Проблемы философии, Київ, 1973, вып. 30; Рукшина К. С. Радищев и американская революция.— Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1976, т. 35, № 3.

³ Гужовский Г. Предисловие.— В кн.: Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1938, т. 1, с. VII.

⁴ См. Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 5, с. 188; М., 1936, т. 2, с. 114.

⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 5, с. 276.

⁶ Огарев Н. П. Избранное. М., 1977, с. 347.

Существовала ли идейная связь Радищева с Вольтером, как указывает Н. П. Огарев? Как относился Радищев к великому французскому писателю и философу?

Широко известна высокая оценка «Орлеанской девственницы» в поэме Радищева «Бова»:

О Вольтер, о муж преславной!	Тоща тень ее — довольно —
Если б можно Бове было	То бы тень была Вольтера,
Быть похожу и кое-как	И мой образ изваянной
На Жанету девку храбру,	Возгнездили б в Пантоне.
Что воспел ты; хоть мизинца	Но боюсь, твоя участь
Ее стоять; — если б можно,	Будет равная с Жанлисой —
Чтоб сказали, Бова только	По передням волочиться ⁷ .

Однако, называя Радищева учеником Вольтера, Н. П. Огарев, наверное, имел в виду не только поэтическую связь «Бовы» и «Орлеанской девственницы», не только то, что так блистательно определил А. С. Пушкин:

О Вольтер, о муж единственный!

.....
Ты, который на Радищева
Кинул было взор с улыбкою,
Будь теперь моею музою! ⁸

Радищев хорошо знал многие произведения Вольтера, они оставили в его жизни след значительно более глубокий, чем нам обычно представляется. Даже беглое знакомство с биографией Радищева убеждает в том, что он довольно часто обращался к произведениям Вольтера. «Кандид», «Задиг» были в числе книг, которые он читал в сибирской ссылке. В 1791 г. он пишет: «Вместе с моей сестрой я прочитал Вольтера. В руки мой попал „Задиг, или Судьба“. „Ах, сказал я, у каждого своя судьба“. Затем — „Кандид“. Панглосс говаривал, что мы живем в наилучшем из возможных миров. Но этот добрый философ после своего повешения был выкуплен с каторжной галеры. Я подумал о превратностях этого мира. Мужество, терпение!.. Прекрасный девиз!» ⁹. В январе 1792 г. после скупого перечисления невзгод, одолевающих семью Радищевых в Илимске, мы находим в его письме такие слова: «Мы живем в лучшем из миров, как сказал мне вчера вечером Панглосс, с которым я беседовал. Панглосс, почему я не такой философ, как ты! Тебя вешают, а ты говоришь, что это к лучшему!» ¹⁰. В декабре 1793 г., снова из Илимска, Радищев пишет: «И я снова заранее утешаю себя, насколько жалкая философия может мне помочь в этом, утешаю себя, как некогда блаженной памяти Панглосс, одним восклицанием: тем лучше!» ¹¹.

Итак, он вспоминал Панглосса и в 1791 г., и в 1792 г., и 1793 г., и даже в 1799 г., когда он уже возвратился в свое имение Немцово, а утраты и несчастья по-прежнему неотступно следовали за ним: «...несмотря на Лейбница и Панглосса, мы не живем, увы, в наилучшем из возможных миров», — писал измученный Радищев ¹². Печальный обра-

⁷ Радищев А. Н. Полное собр. соч., т. 1, с. 29—30. Напомним, что в этой поэме Радищев обращается к Вольтеру дважды: первый раз в приведенной цитате, и второй — в 1-й песне, упоминая вольтеровскую сказку в стихах «То, что правится жеп цинам» («Ce qui plait aux dames»). Он вспоминает «славного витязя Роберта» и вольтеровской сказки (Там же, с. 451).

⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1936, т. 1, с. 150. Напомним, что это был сказано Пушкиным-лицеистом в его поэме «Бова». Однако интересно, что уже зрелый Пушкин вновь критически размышлял о Вольтере и Радищеве, опять связывая их, готовя о них статьи для «Современника» в один и тот же 1836 г.

⁹ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952, т. 3, с. 362.

¹⁰ Там же, с. 413.

¹¹ Там же, с. 459.

¹² Там же, с. 530.

вольтеровского героя вызывал горькую, ироническую улыбку, когда «стесненные обстоятельства все же действуют на состоящие духа»¹³ (какой уж лучший из миров!), но все-таки настраивал А. Н. Радищева на более оптимистический лад.

Кроме повестей Вольтера, Радищев знал и любил некоторые его театральные произведения. Вторая жена А. Н. Радищева, мужественная Е. В. Рубановская, следовавшая за ним в Сибирь, была хорошо известна лично императрице игрой на сцене Смольного именно в комедиях Вольтера¹⁴. Безусловно, имя Вольтера и его произведения возникали в разговорах между Радищевым и Е. В. Рубановской¹⁵. В письмах к Воронцову Радищев вспоминает стихи из трагедии «Софонисба». В июле 1794 г. он писал из Илимска, что «ужасная истина, которую знаменитый поэт выразил в стихе, представляется уму во всей своей силе: „Ah, [que] nos jours derniers sont rarement sereins“ („как редки в старости безоблачные дни“)¹⁶. Эти же слова он повторяет в 1798 г., уже возвратившись из ссылки. «Страшную и грустную истину изрек знаменитый французский трагик: „Как редки в старости безоблачные дни“¹⁷.

Рассказывая о гибели отца, Павел Александрович Радищев приводит стихи Вольтера «Коль все потеряно, когда надежды нет» («Quand on a tout perdu, quand on n'a plus d'espoir»)¹⁸. Наверное, выбившийся из сил «чувствительный и пылкий Радищев» (по определению Пушкина)¹⁹, когда ему после Сибири вновь пригрозили Сибирью, повторял в те роковые дни и ночи сентября 1802 г. горькие слова из второго действия «Меропы». Так последние дни и даже минуты Радищева были связаны с именем Вольтера.

В «Путешествии из Петербурга в Москву» он высоко оценивает вклад французского писателя в мировую литературу, называя его имя среди тех, которые «читаны будут доколе не истребитися род человеческий»²⁰, его просветительную деятельность: «Вольтер кричал против суеверия до безголосицы»²¹. Эту же фразу в более развернутом, полном виде он без колебаний привел в произведении «О законоположении», написанном в

¹³ Там же, с. 413.

¹⁴ Интересно, что П. А. Радищев, основываясь, по-видимому на свидетельствах современников, отмечает, что Екатерина не любила трагедий, и во все ее царствование Вольтеру «Семирамиду» не играли в С.-Петербурге. Однако в Смольном институте ставили комедии Вольтера (см.: Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями. М.: Л., 1950, с. 84—85). В этом Екатерине II верно была советам Вольтера, который призвал использовать комедию для нравственного развития девушек, так как «комедия — пример благопристойности» (*Voltaire. Oeuvres complètes: Vol 1—52. Paris, 1877—1885, vol. 24, L'éducation des filles, p. 287*).

¹⁵ Когда императрица умерла, Е. В. Рубановская стала собираться в столицу, чтобы просить молодого императора, хорошо ее знавшего по исполнению ролей на сцене Смольного, о помиловании Радищева. Интересно, что Е. В. Рубановская ни при аресте, ни при ссылке Радищева в Сибирь с подобной просьбой не обратилась к Екатерине II, хотя была с ней знакома. Императрица благосклонно отозвалась об ее игре в комедии Вольтера «Блудный сын» (см.: Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями, с. 85). Более того, еще в бытность великой княгиней она крестила младшую дочь в семье Рубановских — Дарью. Ни одна из лучших смольнянок Екатерине II была не по душе. В одном из писем она говорила о г-же Крупиляк-Рубановской, что «все комплименты очень заучены» (см.: *Берков П. И. Материалы для биографии Радищева.* — В кн.: Радищев. Статьи и материалы. Л., 1950, с. 240—241).

¹⁶ *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 460—462. Эти слова из малоизвестной тогда трагедии Вольтера А. Н. Радищев писал по памяти. В авторском тексте сказано несколько иначе: «Ah! que nos derniers jours sont rarement sereins!» (*Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 7, p. 45*).

¹⁷ *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 515—516. Вновь в тексте та же маленькая перестановка слов.

¹⁸ Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями, с. 99, 124; *Штурм Г. Потаенный Радищев.* М., 1968, с. 439. У Вольтера это звучит так: *Quand on a tout perdu, quand on n'a plus d'espoir, La vie est un opprobre, et la mort un devoir.* (*Voltaire. Oeuvres complètes, vol. 4, p. 220*).

¹⁹ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 273.

²⁰ *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 353.

²¹ Там же, с. 260.

1801—1802 гг., т. е. через десять мучительных лет страданий и ссылки. «...Вольтер проповедывал терпимость до безголосицы, бичь гонения воздвиг на суеверие и пустосвятство преследующим оружием насмешки, и язык его, яко бритва изощренных сокрушал спи бранные изступления...»²² А в трактате «О человеке, его смертности и бессмертии», написанном в ссылке, Радищев говорил о бессмертии произведений Расина, Шекспира, Метастазии и Мольера и ссылался на «Меропу» и «Магомета» Вольтера²³.

На этом прямые ссылки Радищева на Вольтера кончаются. Но есть и косвенные свидетельства обращения Радищева к Вольтеру. Благодаря исследованиям Ю. М. Лотмана и Л. Б. Светлова сейчас начинает выясняться деятельность Радищева как переводчика, и в частности переводчика произведений Вольтера²⁴. Еще не определен весь список его переводов, он, наверное, будет увеличен. Однако и эти установленные или даже предполагаемые переводы Радищева раскрывают еще одну страницу его связей с западноевропейской мыслью.

Не удивительно, что Радищев переводил Вольтера. П. Р. Заборов показал, как много в XVIII в. было сделано переводов из Вольтера представителями самых разных социальных групп русского общества²⁵. Есть предположение, что переводил Вольтера и А. Р. Воронцов²⁶, с которым А. Н. Радищева сначала связывала служба, а потом и дружба, не угасшая в тяжкие опальные годы. А. Р. Воронцов сыграл не только важную роль в жизни Радищева, но и помог ему лучше понять Вольтера.

Известно, что начальник Радищева, президент коммерц-коллегии, бывший посланник в Гааге граф А. Р. Воронцов был страстным почитателем Вольтера²⁷. В юности он брал уроки у одного из секретарей Вольтера — Арно. С писателем лично он познакомился в 1757 г., а в 1760 г. посетил его в Фернее²⁸. Между Вольтером и А. Р. Воронцовым шла переписка²⁹. А. Р. Воронцов разыскивал и покупал автографы французского писателя. Проанализированный В. С. Люблинским так называемый «Воронцовский сборник» содержит 179 личных писем Вольтера³⁰. В 90-х годах имя Вольтера было в немилости, но А. Р. Воронцов поставил в своем имении Андреевском комедию «Нескромный»³¹ и продолжал настойчиво интересоваться письмами и бумагами философа, пополняя свою коллекцию до 1803 г. Симпатию к Вольтеру он переносил и на людей, близких к писателю. Когда в 1779 г. в Петербург для устройства купленной Екатериной II библиотеки писателя, приехал личный секретарь Вольтера Ваньер, А. Р. Воронцов отнесся к нему самым внимательным образом. Связь с секретарем Вольтера не оборвалась и с отъездом Ваньера в Ферней. Более 25 лет А. Р. Воронцов оказывал ему материальную поддержку³².

А. Р. Воронцов, знавший Радищева лично, еще в 80-х годах высоко ценил его. Сохранилось несколько его писем, исполненных восхищения умом и высокими нравственными достоинствами Радищева. В одном из них Воронцов просит отца, Романа Илларионовича Воронцова, когда тот

²² Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. 3, с. 147.

²³ Там же, т. 2, с. 55.

²⁴ Лотман Ю. М. Радищев — поэт-переводчик. — В кн.: XVIII век. М.; Л., 1962, сб. 5; Светлов Л. Б. Русские переводы произведений французских просветителей: (Памфлет Вольтера в переводе А. Н. Радищева). — В кн.: Французский ежегодник. 1962. М., 1963.

²⁵ Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер. XVIII — первая треть XIX века. Л., 1978.

²⁶ Там же, с. 12, 13.

²⁷ Письма Вольтера. М.; Л., 1956; Письма к Вольтеру. Л., 1970.

²⁸ Литературное наследство. М., 1937, т. 29/30, с. 47.

²⁹ Люблинский В. С. Воронцовский сборник писем Вольтера. — В кн.: Письма Вольтера, с. 17—18, 36 и др.

³⁰ Вольтер. Статьи и материалы. Л., 1947, с. 206.

³¹ Заборов П. Р. Указ. соч., с. 27.

³² Письма к Вольтеру, с. 259—281, 303—304.

будет у своего соседа Николая Афанасьевича Радищева, передать ему самую высокую оценку качеств его сына, А. Н. Радищева³³. В трудные месяцы заключения А. Н. Радищева А. Р. Воронцов делал все возможное для облегчения его участи. Уже в октябре 1790 г. он исходатайствовал у императрицы и срочно, с курьером, переправил в Новгород указ о снятии с Радищева кандалов. И хотя А. Р. Воронцов, вероятнее всего, не разделял революционных взглядов Радищева³⁴, все годы ссылки писателя в Сибири он помогал ему деньгами, книгами, поддерживал письмами³⁵. Нельзя забывать, что даже для такого всесильного вельможи, каким был граф А. Р. Воронцов, поддерживать Радищева, осужденного лично императрицей, было трудно и отнюдь не безопасно. Вскоре он уходит в отставку³⁶. Но и в эти трудные годы, зная о слежке, о перлюстрации его переписки, он не перестает быть для опального писателя опорой. По словам благодарного Радищева, А. Р. Воронцов был «редкий начальник» и «человек, кто с одного края земли протягивает руку помощи до другого края, поддерживая жизнь несчастного семейства. Верьте, что это не лесть», с признательностью писал он³⁷. Помогая Радищеву, А. Р. Воронцов доказал верность гуманистическим идеалам своего любимого писателя, бесстрашно защищавшего Каласа, Ла Барра, Монбальи,— великого гуманиста Вольтера.

Мы так подробно рассказали о А. Р. Воронцове и его увлечении Вольтером, потому что это имеет отношение к биографии Радищева. Именно в письмах к Воронцову Радищев и упоминает Вольтера. Еще из их деловой переписки известно, что Радищев как служащий коммерц-коллегии и фактический руководитель С.-Петербургской таможни получил в январе 1787 г. около 10 книг из Парижа от Дубровского³⁸. В феврале 1788 г. он называет среди этих книг «Мемуары» Вольтера, «Жизнь Вольтера» (наверное, произведение Кондорсе)³⁹.

Но чаще имя Вольтера упоминалось в годы ссылки, ибо также и любовь к французскому философу сближала его с Воронцовым. Надо помнить, что их дружеские отношения были все-таки лишены равенства. Несмотря на обширную переписку, общность интересов, весьма дружеский тон писем, А. Р. Воронцов оставался все же покровителем писателя. Особенно это чувствовалось в годы сибирской ссылки. Заслуженче-

³³ Архив кн. Воронцова. М., 1872, кн. 5, с. 394.

³⁴ Однако А. С. Пушкин пишет об А. Р. Воронцове как о вельможе, «который, может быть, не вовсе был чужд изданию *«Путешествия»* (см.: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 272). По-видимому, Пушкин располагал устными свидетельствами современников А. Р. Воронцова. Возможно, он слышал об этом в Одессе в кругу семьи М. С. Воронцова, а возможно, и видел письменные тому доказательства в библиотеке новороссийского губернатора. В этой библиотеке, кроме других «погаенных» материалов о Радищеве, была рукописная копия *«Путешествия из Петербурга в Москву»*, сделанная для М. С. Воронцова между 1818 и 1823 гг. Г. Н. Моисеева, изучавшая архив Воронцовых, справедливо предполагает, что этот интерес к запрещенному произведению Радищева «может быть элементарно объяснен уважением М. С. Воронцова к памяти отца, С. Р. Воронцова, и дяди А. Р. Воронцова, покровителя А. Н. Радищева» (см.: *Моисеева Г. Н.* Экземпляр *«Путешествия из Петербурга в Москву»* Радищева в архиве Воронцовых.— В кн.: А. Н. Радищев и литература его времени. XVIII век. Л., 1977, сб. 12, с. 245—246). Поэтому не исключено, что сведения о Радищеве и А. Р. Воронцове, а может быть, и о Вольтере Пушкин получил в годы южной ссылки. Интересно, что столетие спустя, уже в советское время, именно во дворце М. С. Воронцова в Алушке нашли несколько портретов Вольтера из серии, сделанной Гюбером в Феррее (ныне хранятся в Эрмитаже). См.: *Левинсон-Лессинг В.* Новые материалы по иконографии Вольтера.— В кн.: Ежегодник Государственного Эрмитажа. Западноевропейское искусство. Л., 1936, т. 1, вып. 2.

³⁵ По свидетельству сына Радищева, А. Р. Воронцов не оставлял А. Н. Радищева во время следствия, а в годы сибирской ссылки «присылал ему ежегодно пенсию, сначала 500, потом 800 и, наконец, 1000 руб.» (Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями, с. 44, 96).

³⁶ Там же, с. 96, 97. Вся семья Воронцовых была тогда в опале.

³⁷ *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 371.

³⁸ Там же, с. 325.

³⁹ Там же, с. 326.

ство Воронцова, надежда на его помощь в воспитании старших детей, материальная зависимость ставили Радищева — человека гордого⁴⁰ — в унижительное положение благодарящего. Изнуренный тяготами ссылки, Радищев искренен в своих чувствах признательности Воронцову. Но читая его вежливые письма, ощущаешь, как трудно ему находить подходящие слова и даже соответствующее для них место (они встречаются далеко не в каждом письме!).

В октябре 1790 г., когда с Радищева сняли каудалы, он писал: «Сердце чувствует таковое благодеяние во всем его пространстве. Простите, если речь моя не обильна на изъявление моего чувствования»⁴¹. Так и позже — Радищев признателен, но сохраняет чувство собственного достоинства. (Как не сравнить с этим вольтеровские письма к Екатерине II и Фридриху II — его многословные излияния благодарности!)

Известно, что отношения Радищева и Воронцова были сложными⁴². Воронцов настаивал на смирении, Радищев в душе на это не соглашался, но высказаться открыто не мог. «Призываю меня к терпению и смирению, ваше сиятельство в последнем письме увещеваете меня раскаяться в содеянном мною...»⁴³ Вот почему несколько раз в письмах к Воронцову встает образ Панглосса. Панглоссова философия терпения и смирения, над которой потешался сам Вольтер, наверное, рекомендовалась Воронцовым, но Радищев, горюя о разлуке с детьми, все же повторял, что он не Панглосс⁴⁴.

В книге А. Татаринцева убедительно показано, как Радищев не поддавался призывам Воронцова и не сдался — его дух не был сломлен⁴⁵. Он не отступил от своих идей, смело повторяя многие свои крамольные мысли в произведениях, написанных в пору ссылки и после нее. Но даже если бы он и написал в Сибири новый текст «Путешествия», то и это не могло бы считаться отступничеством. Ведь мы знаем 150 псевдонимов Вольтера и его широко известный девиз «Бейте, но прячьте руку». Когда мыслителю не только грозят физическим уничтожением, а даже приговаривают к смерти, от которой только случай его спасает, мог бы появиться завуалированный смягченный вариант «Путешествия». Об этом Радищев размышлял в «Письме о китайском торге» (1792), когда он вспомнил Галилея и его маневр⁴⁶.

Но прав А. Татаринцев, доказывая, что Радищев устоял. В марте 1791 г. Радищев гордо писал из ссылки: «Да, я еще буду жить. Я не стану прозябать»⁴⁷. Он еще больше укрепляется, как и Вольтер, в необходимости исполнения каждым своего гражданского долга. В его письмах отражены исследование неизвестного края, изучение его географии, экономики, образа жизни населения; они наполнены философскими рассуждениями (он готовит трактат «О человеке, его смертности и бессмертии» и др.). Исследовательская работа его ума не прекращается и не ослабевает. Он не сломлен ни физически, ни морально.

«Я тот же, что и был и буду весь мой век. Не скот, не дерево, не раб, но человек!» — утверждает Радищев⁴⁸. В 1799 г., опираясь на вольтеровскую «Орлеанскую девственницу», он пишет поэму «Бова». Выстояв

⁴⁰ В семейном предании сохранился рассказ о том, как Радищев получал орден Владимира 4-й степени. Императрица сама раздавала кресты. Хотя не было приказания становиться на колени, принимая их, по обычаю ввел это в употребление. Радищев, один из новопожалованных кавалеров, не стал на колени... — пишет его сын (см.: Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями, с. 99).

⁴¹ Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. 3, с. 345.

⁴² Светлов Л. В. А. Н. Радищев. М., 1958, с. 122.

⁴³ Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. 3, с. 421.

⁴⁴ Там же, с. 354.

⁴⁵ Татаринцев А. Радищев в Сибири. М., 1977, с. 141, 194—196.

⁴⁶ Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. 2, с. 5.

⁴⁷ Там же, т. 3, с. 353.

⁴⁸ Радищев А. Н. Избранные философские и общественно-политические произведения. М., 1952, с. 542.

в невзгодах, он подошел к 1801—1802 гг. физически измученным, но духовно здоровым, полным надежд применить свои знания, опыт, наблюдения на пользу отечеству. Однако самодержавию, даже в «дней александровых прекрасное начало», это исполнение гражданского долга Радищевым не только не понадобилось, но и показалось опасным. И Радищева не стало...

Итак, имя Вольтера сопровождает Радищева все его зрелые годы — от упоминания в служебном письме 1787 г. до последних дней жизни. Но как идеи Вольтера отразились в произведениях Радищева, созвучны ли они Радищеву, во всем ли он был с ним согласен?

Прежде всего Вольтера и Радищева роднит резко отрицательное отношение к феодальному строю. Эта тема широко исследована в литературе и о Вольтере, и о Радищеве. Позволим себе только подчеркнуть тот факт, что оба писателя не чурались экономических вопросов.

А. Н. Радищев был не только чувствительным и впечатлительным писателем и поэтом. Он был вдумчивым и проницательным юристом и экономистом. Служба в коммерц-коллегии сначала на низших должностях (ассессор), потом на более высоких постах вплоть до директора С.-Петербургской таможни сталкивала его каждый день и с нарушениями закона, и с экономическим произволом. Он видел изнутри все пороки механизма феодально-крепостнической машины. Отсюда — превосходное знание всех уродливых форм общественной и экономической жизни крепостнической России, точность острых оценок и эмоциональность описаний произвола в «Путешествии». Вольтер же был предпринимателем-дельцом, лично занимавшимся хозяйством, строившим свое финансовое благополучие и благосостояние в деревеньке Ферней на основе свободного предпринимательства. Отсюда и у Радищева, и у Вольтера деловая, хотя, разумеется, и совершенно различная критика самодержавно-феодальных порядков.

Радищева и Вольтера роднит в этой критике не только сама суть, но и творческий метод. Исследовано сатирическое видение мира у Радищева, его диапазон — от добродушной насмешки до грозного обличения и сарказма⁴⁹. Сам Радищев признавал, что писал «дерзко», «с насмешкой». Пушкин говорил о горьких, возмутительных сатирах Радищева, а «Путешествие» с его революционным звучанием точно охарактеризовал как «сатирическое воззвание к возмущению»⁵⁰. В этом есть прямая и тесная связь с творческим методом Вольтера, с вольтерьянством — олицетворением грозной насмешки, иронии и неверия. Сам Вольтер сформулировал это так: «Насмешкой можно сделать все. Это самое сильное оружие... Великое удовольствие — мстить смеясь»⁵¹.

Интересно совпадение мнений и оценок Вольтера и Радищева по многим социально-политическим проблемам XVIII в., хотя, разумеется, они часто и расходятся. Нельзя забывать, что Радищев был младшим современником Вольтера. Он родился в 1749 г., когда Вольтер был уже признанным историком, писателем, философом. Блестяще образованный, Радищев знал и Руссо, и Рейналя, и многих других европейских мыслителей, с которыми он и соглашался, и спорил, вырабатывая свою точку зрения. Ему привелось следить за ходом Великой французской революции, и, следовательно, политически он был более опытен, чем Вольтер, умерший за 11 лет до ее начала. Тем более интересны их мнения о первой великой буржуазной революции — английской революции XVII в., которую оба

⁴⁹ Татарицев А. Сатирическое воззвание к возмущению. Саратов, 1965, с. 3—8.

⁵⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч., т. 5, с. 272, 270.

⁵¹ Voltaire's correspondence. Vol. 1—107. Genève, 1953—1965. Vol. 61, N 12494, p. 168. Герцен это особенно остро почувствовал. Он писал: «С восторженными идеалами того времени Радищеву пришлось жить в России — слезы, негодование, сострадание, ирония, родная наша ирония, ирония — утешительница, мстительница (выделено мной. — И. С.) — все это вылилось в его превосходной книге» (Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1958, т. 13, с. 272, 273).

хорошо знали. Оценки основных событий этой революции у Вольтера и Радищева во многом совпадают.

Вольтер не призывал к террористическим актам против государей, но был, особенно в ранний период творчества, сторонником столь распространенной в XVI и XVII вв. теории монархомахов, оправдывавшей убийство тиранов. Еще в своей первой трагедии — «Эдип» Вольтер сорвал с персоны монарха священное покрывало, заявив, что он для него такой же человек, как и все остальные люди. В «Бруте», «Смерти Цезаря», а также отчасти в «Истории Карла XII» нашли яркое выражение тираноборческие мотивы. В этих произведениях молодой Вольтер, подвергая критике преступления, совершенные властителями против народа, говорит, что, если государь злоупотребляет властью или не заботится о процветании родины и благе своего народа, он должен быть свергнут. (См. трагедию «Триумвират», где Вольтер заявляет: «Горе тиранам!») А в трагедии «Агафокл» есть слова: «...Моя рука вам служила и была тиранов»⁵².

Сочувствуя Карлу I как человеку, сожалея о его ужасной участи, Вольтер логически приходит к оправданию вынесенного ему приговора. Он признает, что Карл I оказался тираном, который «хотел поставить свою власть выше закона»⁵³, за что англичане, уличив его в преступлениях против народа, с полной беспристрастностью судили как обычного государственного преступника и изменника». «Король, взятый с оружием в руках, представлен был перед судом, уличен в злоупотреблении властью, приговорен и казнен перед всем народом с соблюдением норм юстиции, как если бы судили обыкновенного преступника...» — эпически спокойно писал Вольтер⁵⁴.

По поводу суровости приговора Вольтер замечает: «Во Франции больше всего упрекают англичан в казни Карла I... но с ним победители поступили так же, как поступил бы он сам, если бы счастье было на его стороне»⁵⁵. И, конечно же, пронизывает он, расправа короля с подчиненными считалась бы справедливостью, тогда как наказание тирана называют преступлением. Вольтер подчеркивает, что в истории было много случаев, когда те, кто упрекает англичан, поступали гораздо хуже... Разве французы исподтишка не убивали добродетельнейших королей, среди которых был Генрих IV? «...Сравните, — говорит Вольтер, — с одной стороны, Карла I, который был побежден в настоящем сражении, взят в плен, подвергнут суду, приговорен в Вестминстере и обезглавлен, а с другой стороны, императора Генриха VII, отравленного своим капелланом, Генриха III, убитого монахом, 30 покушений против Генриха IV, пока последнее не лишило Францию этого великого короля. Взвесьте все эти преступления и судите»⁵⁶.

Однако Вольтер ни при каких условиях не призывал широкие народные массы к убийству королей. Он признавал, как и монархомахи XVI — XVII вв., возможность расправы с неудобными государями только волей имущих сословий. Ни они, ни Вольтер не допускали и мысли, что в подобном событии могут принимать прямое участие народные низы. Поэтому он постоянно подчеркивал, что Карл I был судим в Вестминстере по всем правилам и с тщательным соблюдением законности. Именно потому, что казнь Карла I была результатом решения парламента, проведенного без анархии, с соблюдением юридических норм, она не пугала Вольтера.

В связи с этим показательное отношение Вольтера к Кромвелю. Лорд-протектор вызывал неприязнь Вольтера «своим варварством» и «зверской жестокостью»⁵⁷. Он резко говорит о кровопролитиях и «преступлениях

⁵² *Voltaire. Oeuvres complètes*, vol. 6, p. 192; vol. 7, p. 404; vol. 9, p. 370.

⁵³ *Ibid.*, vol. 14, p. 164.

⁵⁴ *Ibid.*, p. 192.

⁵⁵ *Ibid.*, vol. 22, p. 104.

⁵⁶ *Ibid.*, p. 105.

⁵⁷ *Ibid.*, vol. 14, p. 245.

этого узурпатора престола», притворщика и лицемера, «который, прикрывшись личиной веры, с мечом в одной руке и Евангелием в другой поработил Англию»⁵⁸. Вольтер сравнивает Кромвеля с Магометом, подчеркивая одинаковую силу и твердость характера: «...оба использовали свой разум и свою смелость для успеха фанатизма»⁵⁹. Магомет (как и Кромвель, и Кальвин) стал победителем, законодателем, основателем новой религии потому, что обладал силой характера⁶⁰. Интересно, что в «Песне исторической» Радищев характеризует Магомета («Магомет коварством многим...») и Конфуция так же, как и Вольтер. Магомета, основателя новой религии, он считает человеком сильным, умным, но величайшим обманщиком⁶¹.

Итак, Кромвель, этот «храбрый негодий»⁶², вызывал у Вольтера осуждение, но в то же время неудержимо привлекал его силой характера, целеустремленностью. Вольтер высоко оценивал его внешнюю и внутреннюю политику. Он замечал: «Никогда Англия не была так богата, никогда торговля ее не пользовалась такой свободой и не была в таком цветущем состоянии»⁶³. Эту оценку политики Кромвеля, направленной на утверждение интересов английской буржуазии, разделял и Ш. Монтескье⁶⁴. Вольтер считал, что Кромвель, «этот простой гражданин... постигший науку царствовать, был достойным похитителем престола»⁶⁵.

А. Н. Радищев, давая свою характеристику событиям английской революции, солидарен с Вольтером. В оде «Вольность» он писал:

Великий муж, коварства полный,	Что, власть в руке своей имея,
Ханжа, и льстец, и святотать,	Ты твердь свободы сокрушил;
Един ты в свет столь благотворный	Но научил ты в род и роды,
Пример великий мог подать.	Как могут мстить себя народы,
Я чту, Кромвель, в тебе злодея,	Ты Карла на суде казнил ⁶⁶ .

Напомним, что именно эти стихотворные строки вызвали гневное замечание императрицы на полях этой книги: «...царям грозитя плахою. Кромвелев пример приведен с похвалою. Сии страницы суть криминального намерения, совершенно бунтовски...»⁶⁷. Конечно, русской царице не могла понравиться похвала Кромвелю. Но более всего возмутили ее три последние строки, где говорилось о том, что народы знают, как отомстить за себя, что царей можно призвать к ответу, судить и казнить по приговору суда, а не убивать исподтишка, как было с ее венценосным супругом. Екатерина II внимательно читала получаемые от Вольтера письма, но плохо знала его произведения, иначе ее не удивили бы и не разгневали так слова Радищева о Кромвеле и Карле I.

Однако вспомним всю смелость Радищева. Именно этот отрывок из оды «Вольность» он включил в «Путешествие» тогда, когда уже шла Великая французская революция⁶⁸, когда ошеломленные монархи со злобой следили за ее победоносным шествием. Опираясь на исторический пример революционной Англии, Радищев не только заявлял о своей солидарности с восставшей Францией, но и предсказывал ее решительные

⁵⁸ Ibid., p. 165.

⁵⁹ Ibid., vol. 24, p. 558.

⁶⁰ Ibid., vol. 28, p. 197; vol. 26, p. 145.

⁶¹ Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. 1, с. 455, 75.

⁶² Вольтер. Бог и люди. М., 1961, т. 1, с. 142; *Voltaire. Oeuvres complètes*, vol. 26, p. 145.

⁶³ *Voltaire. Oeuvres complètes*, vol. 14, p. 210.

⁶⁴ Монтескье Ш. Избр. произв. М., 1955, с. 95.

⁶⁵ *Voltaire. Oeuvres complètes*, vol. 14, p. 215, 209.

⁶⁶ Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. 1, с. 7—8.

⁶⁷ Радищев А. Н. Избр. соч. М.: Л., 1949, с. 671.

⁶⁸ Мы не затрагиваем здесь вопроса об отношении Радищева к Великой французской революции. В. П. Семенников подчеркивает, что книга прошла цензуру летом 1789 г., хотя в ней есть слова о Бастилии: «О Франция! Ты еще хождаешь близ Бастильских пропастей» (см.: Семенников В. П. Радищев. М.; Пг. 1923, с. 49).

действия против тиранической власти, заранее одобряя их ⁶⁹. Разве могла императрица простить ему это?

Несмотря на всю близость характеристик Кромвеля у Вольтера и Радищева, Радищев пошел дальше французского мыслителя. Если Вольтер, несмотря на известные республиканские симпатии, все же оставался сторонником «просвещенного абсолютизма», то Радищев не признавал политики компромиссов с монархией. Он не только отрицал «царскую мудрость», но даже, как широко известно, писал: «В чьей голове может быть больше несообразностей, если не в царской?» ⁷⁰. Радищев порицает Вольтера за подобострастные стихи датскому королю, которые «во свидетельство остались, что похвалою даже мудрому законоположению спешить ненадлежит» ⁷¹. Ничего похожего на вольтеровскую характеристику — «Северная Семирамида» или «Солон Севера» у Радищева не бывало.

Радищев отстаивал право народа на свободу: «...Соборная народа власть есть власть первоначальная, а потому власть высшая, единая, состав общества основати или разрушить могущая... соборному деянию народа власть народом постановленная, хотя всего превыше, не может назначить ни пути, ни предела...» ⁷². Нарушение власти народа он считал тягчайшим преступлением: «Худое власти народной употребление есть преступление величайшее... не государь, по закон может у гражданина отъяти имение, честь, вольность или жизнь. Отъявый единое из сих прав у гражданина, государь нарушает первоначальное условие и теряет, имея скипетр в руках, право к престолу» ⁷³. Но Радищев твердо знает, что монарх добровольно с властью не расстанется: «... нет и доскончаша мира, примера может быт[ь] не будет, чтобы царь упустил добровольно что-ли[бо] из своая власти, седая на престоле» ⁷⁴. Таков любой монарх. Радищев резко и точно определяет монархов: «Государь, который деньги делает, есть вор общественный, если не вор, то насильствователь» ⁷⁵.

Вольтер тоже критиковал монархов и тоже говорил, что династии создавались грабежом и первые римские короли и средневековые императоры были разбойниками, главарями воров, захватившими власть насилем ⁷⁶. Французский мыслитель сочувствовал задавленным нищетой и поборами крестьянам — «рабам полей, которые раскапывают горы, рубят леса, меняют течение рек и которые с заступом в руках, раздирая недра земли, делают ее плодоносной... покрытые пылью и едва дышащие от усталости, презирающие в этих ежедневных трудах и жестокий холод зимы, и безмерную жару лета» ⁷⁷. Почему, возмущался Вольтер, «оставляют в презрении и унижении, в угнетении великое множество этих трудолюбивых и невинных людей, которые обрабатывают землю все дни и годы для того, чтобы вы могли питаться ее плодами, и, наоборот, заботятся, льстят людям бесполезным, часто очень злым, которые живут только их работой и богаты только их нищетой» ⁷⁸. В «Прошении ко всем магистратам» и в других памфлетах Вольтер требовал от правительства отмены отстатков феодальных повинностей и тяжких государ-

⁶⁹ Интересно, что граф Безбородко, перечисляя преступления Радищева, говорит об оде, «где озлился на царей и хвалил Кромвеля» (*Радищев А. Н. Избр. соч.*, с. 690).

⁷⁰ *Светлов Л. Б.* Русские переводы произведений французских просветителей: (Памфлет Вольтера в переводе А. Н. Радищева). — В кн.: Французский ежегодник. 1962, с. 63.

⁷¹ *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 346. Имеется в виду стихотворение «Au roi de Danemark Christian VII, sur la liberté de la presse, accordée dans tous les états», где Вольтер восхищался им от имени всего человечества (Там же, с. 490).

⁷² *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 10—11.

⁷³ Там же, с. 10, 15.

⁷⁴ *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 151.

⁷⁵ *Светлов Л. Б.* А. Н. Радищев, с. 53.

⁷⁶ *Voltaire. Oeuvres complètes*, vol. 13, p. 240.

⁷⁷ *Ibid.*, vol. 9, p. 381.

⁷⁸ *Ibid.*, vol. 20, p. 263.

ственных налогов. Однако он боялся народных восстаний и апеллировал к просвещенному монарху, мудрому министру, философам у трона.

Радищев глубже понимал жизнь крестьянина: «...кто между нами оковы носит, кто ощущает тяготу неволи? Земледелец! Кормилец нашей тощеты, насытитель нашего глада; тот, кто дает нам здравие, кто житие наше продолжает, неимея права распоряжати ни тем, что обрабатывает, ни тем, что производит. Кто же к ниве ближайшее имеет право, буде неделатель ея?»⁷⁹ Радищев отстаивал право крепостного на землю; ведь оно естественно, хотя и узурпировано, — значит его должно возвратить. Это право будет восстановлено крестьянским восстанием.

Вольтер предупреждал правительство, что «народ разорвет свои оковы»⁸⁰, если его будут так бесчеловечно грабить и притеснять. Он ссылался на опыт восстания камизаров и других крестьянских движений. Но он именно предупреждал об этом господствующие классы и призывал сделать возможные уступки — облегчить жизнь сельского населения, не доводя до крестьянской войны.

Известны резкие слова Вольтера о народных низах и их восстаниях⁸¹. В отличие от него Радищев, революционер-демократ, ставший на защиту поработанного народа, громогласно заявил, что народ должен революционным путем освободить себя от рабства и несправия. Он прямо обращался к крестьянам, требуя наказать насильника и грабителя — дворянина: «...прострите на сего общественного злодея ваше человеколюбивое мщение. Сокрушите орудия его земледелия; сожгите его риги, овицы, житницы и развейте пепел по нивам, на них же совершалось его мучительство, ознаменуйте его, яко общественного татя, дабы всяк, его видя, нетолько его гнушался, но убегал бы его приближения, дабы незаразиться его примером»⁸². И это Радищев говорил после Пугачевского восстания, которое сурово осудил Вольтер⁸³.

Радищев же твердо считал, что восстание неизбежно: «Неведаете ли, любезные наши сограждане, колликая нам предстоит гибель, в колликой мы вращаемся опасности. Загрубелые все чувства рабов, и благим свободоу мановением в движение неприходящия, тем укрепят и усовершенствуют внутреннее чувствование. Поток загражденный в стремлении своем, тем сильнее становится, чем тверже находит противустояние. Прорвав оплот единожды, ни что уже в разлитии его противиться ему не возможет. Таковы суть братия наши, во узах нами содержимые. Ждут случая и часа. Колокол ударяет. И се пагуба зверства разливается быстротечно. Мы узрим окрест нас меч и отраву. Смерть и пожигание нам будет посул за нашу суровость и бесчеловечие. И чем медлительнее и упорнее мы были в разрешении их уз, тем стремительнее они будут во мщении своем... Гибель возносится горе постепенно, и опасность уже вращается над главами нашими. Уже время вознесши косу, ждет часа удобности, и первый льстец, или любитель человечества, возникши на пробуждение несчастных, ускорит его мах. Блюдитесь»⁸⁴.

Он угрожает «пиявицам не насыщеным», в ранней редакции «Путешествия» напоминая о Пугачеве: «Блюдитесь да опять посечены не будете»⁸⁵. О крепостных Радищев говорит, что это «братия наши, во узах нами содержимые»⁸⁶. Вольтер также считал, что люди равны между собой. В «Метафизическом трактате» еще в 1730-х годах он решился сказать, что король по своим природным качествам такое же животное, как

⁷⁹ Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. 1, с. 314.

⁸⁰ Вольтер. Философские повести и рассказы: Мемуары и диалоги. М.; Л., 1931, т. 2, с. 198.

⁸¹ См.; Сиволап И. И. Социальные идеи Вольтера. М., 1978, с. 65–70, 86–88 и др.

⁸² Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. 1, с. 326.

⁸³ Сиволап И. И. Указ. соч., с. 66, 127.

⁸⁴ Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. 1, с. 320–321.

⁸⁵ Там же, с. 427.

⁸⁶ Там же, с. 320.

и крестьянин, которому последние по неизвестной причине платят подать⁸⁷.

И Вольтер, и Радищев стремились к разрушению основ феодально-сословного общества, его корпоративности, сословной замкнутости. «Человек рождается в мир равен во всем другому, — пишет А. Н. Радищев. Все одинаковые имеем члены, все имеем разум и волю»⁸⁸. Ценность человека — в личных способностях и заслугах перед обществом. Вольтер, как и Дидро, и Руссо, не будучи дворянином, не занимал государственных постов. Блистательно образованный, Радищев довольно долго служил в канцелярии на низших должностях. Только бескомпромиссное поведение в деле защиты «пеньковых браковщиков» обратило на него внимание Воронцова и Даля⁸⁹ и помогло выбраться из недр чиновничьей бесправной трясины. Лучшее других Радищев знал, сколько одаренных людей погибло в царской бюрократической машине, сколько умов потеряло отечество.

Проблема общественного служения — тема размышлений мыслителей XVIII в. Как быть? Служить ли феодально-бесправному государству, или углубиться в мир сердца и духа, как Руссо? Или, быть может, брать судьбу отечества в свои руки, перестраивать и изменять мир? Вольтер был сторонником гражданского гуманизма, отрицавшего пассивное отношение к действительности. Вольтер писал, что человек не жалкое и несчастное существо, а «возвышенное создание»⁹⁰. Он обладает разумом, он властелин природы. «Подобно тому как создатель своим одним желанием сотворил миры, и тебе (человеку. — И. С.), когда ты захочешь, материя тебе будет послушна: властелин на земле и царь своим мыслям, как только пожелаешь, сама природа твоим рукам повинуется»⁹¹.

Почти так же пишет о человеке Радищев:

О человек, творение чудесно!
Творенье бренное, о царь земли!
Ты слаб, ты червь, ты мал,
Пылинка ты в сравнении всего;
Но силен, по велик умом,
Ты мыслию божествен,
Зиждитель и творец!⁹²

Главное же, человек раскрывается в деятельности, в труде, а не в отрешенности от мира. «Человек рождается для действия, как огонь стремится ввысь, а камень вниз. Не быть занятым и не существовать — для человека одно и то же», — пишет Вольтер⁹³. Старый и немощный, он продолжал отдавать все свои силы общественной жизни. Так же поступал и Радищев; он работал везде с предельным напряжением сил: в коммерц-коллегии, в таможене, в ссылке.

Вольтер писал, что человек тянется к общежитию, к единству. «Человек — существо социальное»⁹⁴. Так названа одна из глав «Метафизического трактата». К общественной жизни человека толкает и его биологическая природа — один он не выживет, в одиночестве скрывается угроза не только физической гибели, но и вырождения — превращения в зверя⁹⁵. Вольтер утверждал, что «потребность в обществе не только не унизила

⁸⁷ *Voltaire. Oeuvres complètes*, vol. 22, p. 189.

⁸⁸ *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 278.

⁸⁹ Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями, с. 41—42.

⁹⁰ *Voltaire. Oeuvres complètes*, vol. 21, p. 559.

⁹¹ *Ibid.*, vol. 9, p. 389.

⁹² *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 60.

⁹³ *Voltaire. Oeuvres complètes*, vol. 22, p. 41.

⁹⁴ *Ibid.*, vol. 19, p. 379.

⁹⁵ *Ibid.*

человека, а наоборот, его унизило удаление из общества»⁹⁶. Отсюда вывод: «Главная задача... состоит в том, чтобы служить обществу»⁹⁷.

Так же определял задачи человека и Радищев. «Человек человеку друг настолько, что он скорее изберет беспокойную жизнь разбойника, чтобы жить с себе подобными, нежели преисполненную покоя жизнь пустышника», — пишет Радищев⁹⁸. Он считал, что «человек рожден для общества. Позднее его совершенноелетие воспретит, да человеки не разыдутся, как звери»⁹⁹. В 1795 г. он писал из Сибири: «Чем старше я становлюсь, тем более чувствую, что человек есть существо общественное и созданное, чтобы жить в обществе себе подобных»¹⁰⁰. Так же считал и Вольтер, подчеркивавший добрые задатки человека, его стремление к дружбе, к единению¹⁰¹.

В споре Вольтера и Руссо об общественной жизни Радищев был целиком на стороне Вольтера. Он осуждал мечтательность, погружение в мир чувств, которые «в тебе самом»¹⁰². Только в обществе раскрываются все возможности человека: «неомощны, debely, расслаблены во единице, едва не всеильны стали в сообщении, творят чудеса, яко боги»¹⁰³. Вольтер с гордостью выполнял свой гражданский долг, вступаясь за Каласа, Монбальи, Ла Барра, стремясь «оказывать услугу роду человеческому не словами, а делами»¹⁰⁴. Эти же действия предписывались философу и в знаменитой «Энциклопедии» Дидро — Д'Аламбера.

Так же понимал свой гражданский долг перед обществом и отечеством экономист, юрист и писатель А. Н. Радищев. Как юрист он бесстрашно защищал «пеньковых браковщиков», доказал их невиновность всеильному А. Р. Воронцову (это и положило начало их дружбе), вступился за Степана Андреева, оправданного позже, когда Радищев был уже в Сибири¹⁰⁵.

Но самым действенным средством служения России Радищев считал свою литературную деятельность. Писатель не должен быть беспристрастным повествователем: «Прочь от меня, эта твердость скалы, это оцененные души... которые, искажая наиболее поразительное, если не наиболее поражающее свойство нашего сердца, стремятся укоренить в нем бесстрастие»¹⁰⁶. Писатель обязан выполнять свой гражданский долг. «...Блажен писатель, если творением своим мог просветить хотя единого, блажен если в едином сердце посеял добродетель»¹⁰⁷. Здесь переключка с Вольтером. «Полезное писание, — уверен Вольтер, — это то, которое просвещает людей и утверждает их в добре»¹⁰⁸.

Однако Радищев считал, что только звать к добру мало. Он подчеркивал, что писатель — общественный вождь, владеющий сильнейшим оружием — словом. Он должен не только множить единомышленников, но и вести людей на уничтожение зла: «Недостойны разве признательности мужественные писатели, возстающие на губительство и всеилье, для того, что немогли избавить человечества из оков и пленения?»¹⁰⁹. В этом он заодно с Вольтером, который без усталости призывал: «Проповедуйте, пишите, боритесь!»¹¹⁰. Радищев глубоко уважал активную борьбу Вольтера против нетерпимости и суеверия.

⁹⁶ *Voltaire. Oeuvres complètes*, vol. 19, p. 379.

⁹⁷ *Ibid.*, vol. 30, p. 541.

⁹⁸ *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 391.

⁹⁹ Там же, т. 2, с. 57—58.

¹⁰⁰ Там же, т. 3, с. 478.

¹⁰¹ *Сиволап И. И.* Указ. соч., с. 36—40.

¹⁰² *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 140.

¹⁰³ *Радищев А. Н.* Избр. соч., с. XXVI.

¹⁰⁴ *Voltaire's correspondence*, vol. 14, N 8753, p. 14.

¹⁰⁵ *Биография Радищева*, написанная его сыновьями, с. 41—42, 60.

¹⁰⁶ *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 439.

¹⁰⁷ Там же, т. 1, с. 261.

¹⁰⁸ *Voltaire. Oeuvres complètes*, vol. 26, p. 23.

¹⁰⁹ *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 391.

¹¹⁰ *Voltaire's correspondence*, vol. 65, N 12494, p. 167.

Высоко оценивая многие стороны деятельности Ломоносова, Радищев в «Слове о Ломоносове» говорит: «Пускай, другие раболепствуя власти, превозносят хвалою силу и могущество. Мы воспоем песнь заслуге к обществу»¹¹¹. Но он непреклонен, осуждая Ломоносова (как, впрочем, и Вольтера — мы это уже видели) за подобоострастные слова царице Елизавете: «Не завидую тебе, что следуя общему обычаю ласкати царям, нередко недостоинным нетокмо похвалы стройным гласом воспетой, но ниже гудочного бряцания; ты льстил похвалою в стихах Елизавете»¹¹². Более того, Ломоносов не восстал на «губительство и всесилие», как другие мужественные писатели¹¹³.

Радищев требовал, чтобы писатель был «проницателен в суждениях»¹¹⁴, опирался не на мечтания, а на реальные события в настоящем и в прошлом для того, чтобы понять будущее, найти правильный путь. На место умствований надлежит ставить конкретную историю: «Если потомкам нашим предлежит заблуждение, если оставя естественность, гоняться будут за мечтаниями, то весьма полезной бы был труд писателя, показавшего нам из прежних деяний шествие разума человеческого»¹¹⁵. Критикуя Руссо, Радищев упрекает его в незнании истории и пишет, что он, «не взяв на помощь историю, вздумал, что доброе правление может быть в малой земле, а в больших должно быть насилие»¹¹⁶. Такой же упрек бросал ему и Вольтер — Жан-Жак не знает ни прошлого, ни настоящего¹¹⁷.

Сам Радищев увлекался летописями и пытался, как и Вольтер, опираться на точные, документальные исторические знания. Интересно, что оценка Петра I у Радищева совпадает с вольтеровской. Известно, что отрицательное отношение Руссо к Петру I вызвало критику Вольтера¹¹⁸. Радищев считал, что «вопреки Женевскому гражданину познаем в Петре мужа необыкновенного, название великаго заслужившаго правильно»¹¹⁹, хотя и не скрывал ненависти к нему некоторых его современников.

Можно привести и еще много совпадающих мнений и характеристик Вольтера и Радищева — в области критики церкви, сословной спеси дворянства, войны, обучения детей на родном языке и т. д. Разумеется, нужно помнить, что это не были только личные идеи Вольтера, это были идеи века — так думали Мабли, Рейналь, Руссо и другие просветители. Неоспоримо, однако, что Радищев хорошо знал именно Вольтера, высоко ценил его деятельность и внимательно читал его произведения. И все же, несмотря на близость их идей и оценок, русский революционер-демократ был и критиком Вольтера (см., например, его резкие отзывы о теории «просвещенного абсолютизма»). Вдумчивый и глубокий мыслитель, А. Н. Радищев пошел дальше Вольтера, боявшегося участия в революции народных низов. Ярko описывая социальное и экономическое зло крепостничества, Радищев четко обосновал законность крестьянской революции.

¹¹¹ Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. 1, с. 380. «Слово о Ломоносове» было укором российскому самодержавию, которое даже не поставило надгробного памятника гордости и славе России — Ломоносову. Надгробие было поставлено по инициативе и на счет друга и почитателя великого ученого — М. И. Воронцова. См.: Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. 1, с. 494.

¹¹² Там же, с. 388.

¹¹³ Там же, с. 391.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же, т. 1, с. 261.

¹¹⁶ Там же, т. 3, с. 47.

¹¹⁷ Сиволоп И. И. Указ. соч., с. 163.

¹¹⁸ *Voltaire. Oeuvres complètes*, vol. 20, p. 218—225; см. также Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. — В кн.: Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969, с. 183. Резко критически относился к преобразованиям Петра и Мабли, что отразилось в его сочинении «Об изучении истории» (см.: Французский ежегодник. 1976. М., 1978, с. 193).

¹¹⁹ Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. 1, с. 150, с. 462.

Его действия точно определил А. Р. Воронцов: «Он издал книгу, где... ударил в революционный набат»¹²⁰.

Овладев идейным богатством Просвещения, Радищев не повторял слепо его идей. Его мысль развивалась в соответствии с назревшими потребностями русской действительности, это и рождало его новые революционные выводы. Испытав влияние Вольтера, под воздействием русской действительности, в частности крестьянской войны под руководством Пугачева, он шел значительно дальше великого французского мыслителя, одного из своих учителей.

¹²⁰ Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями, с. 96.

Все материалы о Вольтере
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#V>

из недавних веб-публикаций

И.Сиволап-Кафтанова. Вольтер о революционных движениях XVII-XVIII вв.
Л.Тренар. Социально-экономические концепции Вольтера
Е.Кулябко, В.Соколова. Источники вольтеровской «Истории Петра»
И.Сиволап. Радищев и Вольтер
Л.Альбина. Вольтер читатель «Энциклопедии»
Л.Альбина. Вольтер в работе над «Опытом о правах и духе народов»
Л.Гордон. Вольтер читатель Бейля и Неккера